

Желтый уровень опасности

Наталья Б. Помозова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, protozoga@mail.ru*

Аннотация. Постоянно увеличивающееся присутствие Китая в мире, его новая геополитическая роль и амбиции вызывают опасения у остальных игроков на международной арене. Некоторые страны боятся попасть в экономическую зависимость от Китая, другие же, более крупные, видят в усилении КНР угрозу закрепившейся после окончания холодной войны расстановке политических сил в мире. В статье предпринимается попытка анализа причин и обоснованности тревог в отношении внешнеполитического курса Китая со стороны США и России как двух глобальных держав. Несмотря на то что термин «желтая опасность» был введен в научный оборот еще в XIX в., наибольшую актуальность он приобретает именно по мере усиления роли КНР. Автор выдвигает гипотезу о том, что наделение негативными смыслами внешнеполитического курса Китая может зеркально отразиться на действиях его правящей элиты, что неизбежно повлияет на внешнюю политику государства. Теоретическая база исследования представлена трудами Дж. Александера, Дж.Г. Мида, М. Вебера, Т. Парсонса, Ч. Кули, Ту Вэймина, С. Хантингтона. Эмпирическую базу составили данные социологических опросов, на основании которых автор предпринял попытку оценить отношение к Китаю в США и России.

Ключевые слова: Китай, Россия, США, внешняя политика, международные отношения, кодирование смыслов, спираль означения, «желтая опасность»

Для цитирования: Помозова Н.Б. Желтый уровень опасности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 122–134. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-122-134

Yellow warning

Natalia B. Pomozova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
npomozova@mail.ru*

Abstract. Among other players in the international arena China causes concerns over its ever-expanding presence in the world, its new geopolitical role and ambitions. Some countries are afraid of becoming economically dependent on China, while others, larger ones, see the strengthening of the PRC as a threat to the alignment of political forces in the world that has consolidated since the end of the Cold War.

The article attempts to analyze the causes and validity of the anxieties regarding the foreign policy of China in the United States and Russia as two global world powers.

Despite the fact that the term “yellow peril” was introduced into scientific circulation as early as the 19th century, it acquires greater relevance precisely with the increasing role of the PRC.

The author hypothesizes that endowing negative senses with China’s foreign policy can mirror the actions of its ruling elite, what necessarily can affect the state’s foreign policy.

The theoretical basis of the research is represented by the works of J. Alexander, G.H. Mead, M. Weber, T. Parsons, C. Cooley, Tu Weimin, S. Huntington.

The empirical base was the data of opinion polls, following which, the author made an attempt to assess the attitude towards China in the United States and Russia.

Keywords: China, Russia, USA, foreign policy, international relations, coding of meanings, spiral of noting, “yellow peril”

For citation: Pomozova, N.B. (2020), “Yellow warning”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 122–134. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-122-134

Введение

Экономические темпы роста Китая, его увеличивающаяся военная мощь, демографический прирост, новая роль на международной арене – все это постоянно провоцирует рассуждения на тему потенциальной угрозы, которую представляет Китай для других государств. Несмотря на исправно работающую машину пропаганды и заверения властей КНР в том, что «мирное раз-

вите» Китая несет благо для всех, и международный порядок, претерпевающий множество сложностей, нуждается в китайской мудрости, многие политики и эксперты видят Китай как «желтую опасность».

Термин «желтая опасность», впервые предложенный французским публицистом П.Л. Болье, довольно быстро закрепился в общественно-политической лексике западных стран. Несмотря на то что термин зародился во Франции, наибольшее распространение он получил в таких государствах, как Германия, Британская империя, США, чьи интересы на Востоке были достаточно обширны. В середине XIX в., когда его впервые ввели в оборот, в качестве потенциально опасных народов выступали не только китайцы, но и японцы. Сегодня, говоря о «желтой опасности», в первую очередь подразумевают самую многочисленную нацию земного шара. И тем больше возрастает чувство тревоги на фоне стремительного развития Китая, который уже претендует на мировое лидерство в некоторых важнейших сферах, чем менее понятной представляется эта страна не только населению других государств, но и экспертному сообществу, которое пытается разгадать замыслы, наполняющие выступления китайских лидеров. Вестернизация оказала значительное влияние на многие сферы жизни КНР, как и советская модель государственности, однако Китай давно нашел свой собственный путь. С. Хантингтон видит природу, истоки неизбежного конфликта Восточной Азии и Запада, прежде всего в различии культур и путей развития: если ранее в Азии преобладало стремление к вестернизации и все прогрессивное ассоциировалось с Западом, то в настоящее время восточноазиатские страны не только не пренебрегают аутентичными традициями, но и видят в них вектор своего развития [Хантингтон 2003].

Руководство КНР позиционирует свою страну как глобальную сверхдержаву, что соотносится с идентичностью «китаецентризма», только уже не в привычном, а в совершенно ином ракурсе – то есть не закрытой для внешнего мира страны, которая не нуждается в активном взаимодействии с другими государствами, а наоборот, страны, сделавшей огромный рывок в развитии собственной экономики, страны с устойчивой политической системой, основанной на понятных народу ценностях, страны, которая не только готова быть вовлеченной в глобальные мировые процессы, но и стоять в их авангарде, взяв на себя ведущую роль в международной политике и бросая тем самым вызов США [Помозова 2018а, с. 157]. Внешнеполитический дискурс китайской элиты демонстрирует готовность экстраполировать вовне социализм с китайской спецификой, доказавший свою эффективность внутри страны.

Практика – единственный критерий истинности

Россия и Китай – страны с социалистическим прошлым, что обуславливает во многом похожие ценностные и идеологические установки в этих двух государствах в определенный исторический период. Однако, когда стало очевидно, что принципы коммунистической власти исчерпали себя как в экономической, так в политической и социальной областях, Россия и Китай, встав на путь реформ, пошли совершенно разными дорогами. В России в качестве метода экономической трансформации была выбрана прямая приватизация государственной собственности. В Китае прежде всего развивалось не государственное, а частное производство, которому были созданы благоприятные условия для успешной конкуренции на рынке [Помозова 2012, с. 210]. В результате, регионы современного унитарного Китая имеют больше экономической свободы и автономии от центра, чем регионы федеративной России, что внесло свой вклад в дело «китайского экономического чуда».

Осознав необходимость реформ, китайская политическая элита отказалась следовать как российскому, так и западному примеру. Экономические трансформации не сопровождались резкой сменой политического строя, отказом от коммунистической символики, что помогло избежать перелома в общественном сознании китайских граждан, а попытки массовых волнений «прогрессивной молодежи» были жестко пресечены властями – все это позволило удержать страну от радикальных потрясений, обеспечив ей эволюционный путь развития.

М.К. Горшков и Ли Пэйлинь отмечают: «Достоинством данной (китайской) реформационной модели является соединение подготовленной стратегии и активности преобразований, опыта и поучительных уроков прошлого; применение правильных мер привело к тому, что реформа помогла сохранить общественную стабильность» [Горшков, Пэйлинь 2012, с. 18].

В результате, Китай продемонстрировал миру жизнеспособность уникальной модели «социализма с китайской спецификой», которая легла в основу национальной внутриполитической стратегии. «Китайская специфика» распространилась и на сферу внешней политики, где КНР, отходя от завета Дэн Сяопина «держаться в тени и ничем не проявлять себя», впервые после окончания холодной войны предлагает миру новую модель международных отношений – «Сообщество единой судьбы всего человечества», которая призвана сменить западную систему и искоренить ее главный недостаток – стремление к однополярности и гегемонизму. Готовый взять на себя значительную экономическую ответствен-

ность за судьбу развивающихся стран Китай, протягивая руку финансовой помощи, не предлагает нуждающимся государствам смену политического режима, чем противопоставляет свою логику видения системы мирового порядка западной.

В итоговом коммюнике четвертой пленарной сессии ЦК КПК 19-го созыва, завершившейся 31 октября 2019 г., описываются преимущества китайской системы управления, а также, помимо подтверждения приверженности идее строительства сообщества единой судьбы всего человечества, говорится о намерении продвигать социалистическую культуру и «вдохновлять людей во всем мире исповедовать общую идеологию и ценности». Такая риторика сразу же вызвала значительные опасения у западных аналитиков, рассматривающих Китай как серьезную угрозу действующей системе международного порядка.

Опасения России

В последнее время, особенно в условиях все более сложных отношений с Западом, в России Китай позиционируется как ее главный партнер. Политический диалог между двумя странами сейчас действительно находится на высоком уровне. Президенты В.В. Путин и Си Цзиньпин, совершившие обмен высшими государственными наградами, регулярно признаются друг другу в дружбе и взаимном глубоком уважении.

На фоне бесконечных конфликтов с Америкой России выгодно иметь такого мощного партнера, как Китай, который и сам находится в состоянии торговой войны с США. Исследование фонда «Общественное мнение» показало, что в 2017 г. 62% россиян считали Китай «самым дружественным» России государством. Для сравнения, в 2014 г. так считало 54% опрошенных¹.

Текущая интенсивность межгосударственного диалога, транслирование средствами массовой информации образа Китая как надежного товарища несколько нивелировали опасения россиян, связанные с китайской экспансией на Дальнем Востоке и в Сибири. По данным опросов, проведенных фондом «Общественное мнение», в 2013 г. 15% россиян видели угрозу территориальной целостности своей страны в мигрантах из Китая². Однако данные Росстата не

¹ Социологический опрос: О России и странах мира [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Mir/13624> (дата обращения 31 мая 2019).

² Социологический опрос. О территории России и ее целостности [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Politika/11086> (дата обращения 31 мая 2019).

подтверждают этих опасений и по статистике, в 2017 г. территорию России покинуло большее количество мигрантов, чем прибыло³. Тем не менее, как отмечает В.Г. Гельбрас: «Разные высокопоставленные лица, будто специально усиливая панические настроения в обществе, не дают точного убедительного ответа ни на вопрос, сколько же китайских мигрантов на самом деле находится в России, ни на вопрос об интенсивности их притока» [Гельбрас 2001, с. 76].

И все-таки, если посмотреть на поведение Китая чуть более внимательно, станет понятно, что России не стоит питать иллюзий в отношении азиатского товарища. Главный экономический партнер для КНР, безусловно, США. Результатом серьезной взаимозависимости явились торговые войны между двумя государствами, оказывающие значительное влияние на мировую экономическую обстановку в целом. Тем не менее, несмотря на все разногласия, именно с США Китай готов выстраивать диалог двух «равновеликих держав».

Говоря о человеческом капитале Китая во внешней политике, необходимо отметить, что процент основных руководителей МИД КНР, работавших по дипломатической линии в США и Западной Европе, с конца 90-х гг. по настоящее время был стабильно высоким – их большинство по сравнению со специалистами, получившими опыт работы в других странах. Начиная с 2003 г., образование в США и Западной Европе стало признаком тех, кто назначался в руководство МИД КНР [Помозова 2018б, с. 29]. Это является еще одним существенным индикатором внешнеполитических приоритетов Китая.

Не случайно эксперты, которые работали по поручению Президента Путина над новой программой развития России до 2020 г., обозначили Китай как главную угрозу.

Стремительный экономический рост Китая, объемы экспорта дешевых товаров, прирост населения, связанная с ним массовая миграция и, наконец, специфика восточного менталитета – все это представляет угрозу для России в глазах ее жителей. При этом такое мнение, по сути, не подтверждено реальными действиями правительства КНР – наоборот, в последние годы российско-китайские отношения сделали большой дипломатический прорыв и достигли уровня стратегического партнерства.

В.Б. Кашин отмечает: «Значительный рост числа россиян, испытывающих опасения в отношении КНР, не связан с какими-либо

³ Данные о международной миграции [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения 31 мая 2019).

негативными событиями в российско-китайских отношениях. Речь идет, скорее, о последствиях мировоззренческого шока, связанного с неожиданным появлением новой сверхдержавы прямо на восточных границах России» [Кашин 2011].

Опасения США

Конфронтация США и КНР обострилась еще в 50-е гг. в связи с союзническими обязательствами Америки перед Тайванем. По мере усиления экономических позиций Китая, внешне они становятся более острыми и при этом приобретают новые формы, самой яркой из которых можно считать торговую войну. По данным социологических исследований, проведенных центром изучения общественного мнения Pew Research Center в 2018 г., 38% американцев положительно относятся к Китаю, что на 6% меньше по сравнению с показателями прошлого года, при этом число тех, кто выражает негативное отношение к КНР осталось неизменным с прошлого года – 47%⁴. Учитывая открытую конфронтацию администрации Д. Трампа с Китаем и соответствующее позиционирование Поднебесной в американских СМИ, такую статистику можно считать внешнеполитическим успехом КНР.

Опасения американцев связаны с большим количеством внешнего долга Китая (62%), кибератаками (58%), негативным влиянием КНР на экологическую ситуацию в мире и потерю рабочих мест американцами (по 51%), пренебрежение Китаем прав и свобод человека (49%), дефицитом товарооборота с США (48%)⁵.

Угроза китайской экспансии также является предметом обсуждений в западных СМИ. Эмигрируя в развитые страны, китайцы создают там не просто общины, но и собственные районы, экспортируя, таким образом, не только товары, но и культуру.

⁴ Социологический опрос: American attitudes toward China turn slightly less positive [Отношение американцев к Китаю становится немного менее позитивным] [Электронный ресурс]. URL: http://www.pewglobal.org/2018/08/28/as-trade-tensions-rise-fewer-americans-see-china-favorably/pg_2018-08-28_views-of-china-01-2/ (дата обращения 31 мая 2019).

⁵ Социологический опрос: Americans most concerned with debt, cyberattacks from China [Американцев больше всего беспокоит внешний долг и кибератаки из Китая] [Электронный ресурс]. URL: http://www.pewglobal.org/2018/08/28/as-trade-tensions-rise-fewer-americans-see-china-favorably/pg_2018-08-28_views-of-china-04-2/ (дата обращения 31 мая 2019).

Своих детей они предпочитают отдавать в «китайские» школы, что позволяет им не ассимилироваться с населением страны проживания, сохраняя китайскую идентичность. Такой важный для Китая инструмент «мягкой силы» вызывает небезосновательные опасения, учитывая, что в китайской традиции заложена мысль о том, что «Китай – там, где живут китайцы». Эта философия может распространиться, например, на Сингапур, который примерно на 75% населен представителями основной китайской этнической группы хань. В результате исследования, проведенного французской социологической компанией IFor, выяснилось, что более половины французов и американцев (56 и 55% соответственно), а также 41% немцев и 40% британцев считают Китай скорее конкурентом своей страны, нежели партнером⁶.

Профессор Гарвардского университета Ту Вэймин отмечает: «Может показаться, будто бы разумное зерно есть в предположении о том, что, поскольку по милости Запада Китай находился в униженном положении более века, его принципиальным мотивом для “перекраивания” мирового порядка является месть. Воспоминания о тихоокеанском театре боевых действий времен Второй мировой и корейской войн – не говоря уже о вьетнамской – придают правдоподобие мифу о “желтой угрозе”. Эмиграция состоятельных китайцев из Юго-Восточной Азии, Тайваня и Гонконга в Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию создают впечатления наличия некоего “китайского заговора” с целью изменить соотношение сил и захватить контроль над ценными финансовыми ресурсами в глобальном сообществе. Эти широко распространенные предположения, мифы и впечатления создают искусственно раздутое, искаженное представление об интеграции Китая в мировое сообщество как о его целенаправленной стратегии модернизации» [Вэймин 2012, с. 10].

Получившая большую популярность и вызвавшая множество споров, теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона говорит о неизбежном конфликте Восточной Азии и Запада. «Экономическое развитие Восточной Азии изменит баланс сил между Азией и Западом, особенно Соединенными Штатами. Удачный экономический рост порождает уверенность в себе и агрессивность со стороны тех стран, в которых он существует и приносит выгоду. Богатство, как и власть, считается доказательством добродетели, демонстрацией морального и культурного превосходства» [Хантингтон 2003, с. 152].

⁶ Социологический опрос: Россияне и европейцы разошлись во мнениях о политике Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20180910/1527977137.html> (дата обращения 31 мая 2019).

Яркой иллюстрацией к данной теории представляются торговые войны. И хотя, как показали социологические исследования, динамика опасений американцев в отношении Китая не продемонстрировала значительного скачка, следует учитывать, что страны находятся в начале конфликта, который имеет все основания к тому, чтобы стать затяжным. Для Д. Трампа вопрос не ограничивается экономическими расчетами, его цель заключается в том, чтобы всеми силами сдерживать Китай, не давая ему возможности пересмотреть систему международных отношений. Взаимозависимость двух экономик столь высока, что жесткие меры со стороны Америки могут помешать руководству КНР выполнить обещания, данные своему народу, что негативно скажется на уровне доверия к компартии внутри страны. Вполне вероятно, что за торговыми войнами может последовать новый этап конфронтации – гонка в области технологий. В случае обострения конфликта тревога у граждан США по отношению к КНР может существенно возрасти.

Опасность самореализации опасений

Итак, несмотря на то что в последнее время на фоне резкого ухудшения отношений с Западом в России склонны рассматривать Китай скорее как партнера, нежели врага, россияне все же воспринимают это государство как соседа, с которым выгодно дружить, но это не исключает ряда опасений, связанных с этой страной. Среди американцев превалирует негативное отношение к Китаю, и многие внешние угрозы в глазах граждан США связаны именно с КНР. Если говорить глобально, то главная опасность – новая расстановка сил на международной арене, изменение мирового порядка, уход от американоцентричной системы международных отношений, появление серьезного конкурента в претензиях на лидерство. Концепция «Сообщества единой судьбы всего человечества», активно продвигаемая руководством Китая, не может не настораживать политические круги США, а образ Поднебесной в глазах американцев может демонизироваться по мере нарастания конфронтации между двумя странами.

По мнению Дж.С. Александера, события сами по себе не создают травму, ибо они не являются от природы «хорошими» или «плохими». Реальные или воображаемые явления означаются как травматические не потому, что они действительно вредные, а потому, что эти явления обретают смысл зла, который нарушает коллективную идентичность [Alexander 2003, p. 32]. Таким образом, *смыслы* действий Китая на мировой арене подвергаются *кодированию* со стороны американской правящей элиты и средств массовой

информации, в результате чего к КНР формируется негативное отношение, полное страхов.

Ту Вэймин справедливо отмечает: «С тысячами политических диссидентов на Западе, всемирной поддержкой независимого Тайбэя и вполне эффективным воздействием Тайбэя на Капитолий радикальная, принципиальная инаковость Китая воспринимается американскими СМИ как угроза международной безопасности. Расхожая манера приписывать Китаю все смертные грехи, изображая его государством-изгоем, перенявшим эстафету у СССР в качестве “империи зла”, может стать таким пророчеством, которое само же себя реализует» [Вэймин 2012, с. 18].

О влиянии мнения окружающих на выбор идентичности и поведение индивида говорили М. Вебер [Вебер 1991], Т. Парсонс [Парсонс 2000], приверженцы теории символического интеракционизма, основанной Дж.Г. Мидом [Мид 2009], и многие другие исследователи.

Расширяя рамки символического интеракционизма и теории Дж.Г. Миды, можно предположить, что государство как субъект (его правящая элита), рефлексирюя, также может испытывать влияние мнения *значимого другого*, т. е., с одной стороны, руководствоваться собственными интересами, продиктованными объективной политической ситуацией, а с другой стороны, «впитывать» совокупность установок других государств, в результате чего, в итоге, и будет сформирован внешнеполитический курс страны. В случае Китая США и Россия могут справедливо претендовать на роль *значимых других*.

Американский социолог Ч. Кули, автор теории *зеркального Я* (*зеркальной самости*), утверждал, что самосознание индивида, его ценностные ориентации как бы отражают зеркально реакции на них других индивидов: «Социальную самость такого рода можно назвать отраженной, или зеркальной, самостью: мы видим наше лицо, фигуру и одежду в зеркале, интересуемся ими, поскольку все это наше, бываем довольны ими или нет в соответствии с тем, какими мы хотели бы их видеть, точно так же в воображении воспринимаем в сознании другого некоторую мысль о нашем облике, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т. д., и это самым различным образом на нас воздействует» [Кули 1994, с. 320–321].

Опираясь на методологию теории Ч. Кули, легко сделать предположение о возможности самореализации самых пессимистичных прогнозов внешнеполитического курса КНР. Если образ Китая будет *означен* как негативный и воспримется в других государствах как угроза и опасность, то это может *зеркально отразиться* на действиях правящей элиты КНР.

Заключение

Таким образом, политический накал, подогреваемый средствами массовой информации, прогнозирующими вместе с увеличивающимся могуществом Китая возрастание угрозы для других государств, общественное мнение, свидетельствующее о недоверии к Китаю со стороны американцев, политические дискуссии о неприемлемости действий Китая в Тибете, Синьцзян-уйгурском автономном районе – все это формирует неблагоприятный имидж Китая в мире. Конечно, предположения о том, что образ КНР будет *означен* в США как абсолютное зло (как это случилось с Северной Кореей, Ираком) в среднесрочной перспективе не представляются реалистичными. Тем не менее, негативное восприятие Китая значимыми другими политическими элитами увеличивают вероятность того, что правящая элита КНР, рефлексировав, может отчасти изменить внешнеполитический курс и наполнить концепцию «Сообщества единой судьбы всего человечества» совсем не теми смыслами, которые транслируются всему миру сейчас.

Литература

- Вебер 1991 – Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре / АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1991. 301 с.
- Вэймин 2012 – *Ту Вэймин*. Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл // Полис: Политические исследования. 2012. № 1. С. 7–25.
- Гельбрас 2001 – Гельбрас В.Г. Сколько китайцев в России? // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 71–87.
- Горшков, Пэйлинь 2012 – Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества / Ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь. М.: Новый хронограф, 2012. 512 с.
- Кашин 2011 – Кашин В. Призрачные угрозы [Электронный ресурс] URL: <http://fom.ru/blogs/10097> (дата обращения 31 мая 2019).
- Кули 1994 – Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 320–321.
- Мид 2009 – Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. М., 2009. 290 с.
- Парсонс 2000 – Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
- Помозова 2012 – Помозова Н.Б. Сравнительный анализ формирования стратегии гражданской идентичности в России и Китае // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 210–217.
- Помозова 2018а – Помозова Н.Б. Отражение внешнеполитического вектора в дискурсе докладов на XV–XIX съездах Коммунистической партии Китая //

- Государственное и муниципальное управление: Ученые записки. 2018. № 6. С. 157–163.
- Помозова 2018б – Помозова Н.Б. О человеческом капитале Министерства иностранных дел Китая (на основе анализа биографий ключевых сотрудников в период с 1998 по 2018 г.) // Вестник Поволжского института управления. 2018. № 6. С. 22–29.
- Хантингтон 2003 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 603 с.
- Alexander 2003 – Alexander J.C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003.

References

- Alexander, J.C. (2003), *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press, 2003.
- Gelbras, V.G. (2001), “How many Chinese live in Russia?”, *Vestnik Evrazii*, no. 1, pp. 71–87.
- Gorshkov, M.K. and Li Peilin, eds. (2012), *Rossiya i Kitai: izmeneniya v sotsial'noi strukture obshchestva* [Russia and China. Changes in the social structure of society], New Chonograph, Moscow, Russia.
- Huntington, S. (2003), *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. AST, Moscow, Russia.
- Kashin, V. (2011), *Prizrachnye ugrozy* [Phantom threats] [Online], available at: <http://fom.ru/blogs/10097> (Accessed 31 May 2019).
- Kuli, Ch. (1994), “Sotsial'naya samost'”, in Dobren'kov, V.I., ed., *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [Social selfhood. American Sociological thought], MGU, Moscow, Russia, pp. 320–321.
- Mead, J.G. (2009), *Izbrannoe: Sbornik perevodov* [Selected Translations Collection], RAS: INION, Moscow, Russia.
- Parsons, T. (2000), *O strukture sotsial'nogo deistviya* [On Social Policy], Academic Project, Moscow, Russia.
- Pomozova, N.B. (2012), “Comparative analysis of the formation of a civic identity strategy in Russia and China”, *MGIMO Review of International Relations*, vol. 25, no. 4, pp. 210–217.
- Pomozova, N.B. (2018), “On the human capital of the Ministry of Foreign Affairs of China (based on an analysis of biographies of key employees from 1998 to 2018)”, *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, issue 6, pp. 22–29.
- Pomozova, N.B. (2018), “The reflection of the foreign policy vector in the discourse of reports at the XV–XIX congresses of the Chinese Communist Party”, *Gosudarstvennoye i municipalnoye upravlenie. Ucheniye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes], issue 6, pp. 157–163.
- Tu Weiming (2012), “The rise of ‘Confucian’ East Asia: the origins and historical meaning”, *Polis: Politicheskie issledovaniya*, issue 1, pp. 7–25.

Weber, M. (1991), M. Weber's works on sociology, religion and culture, issue 2, AS USSR, INION, All-Union Interagency Center on Humanity under the Presidium. Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья Б. Помозова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; npomozova@mail.ru

Information about the author

Natalia B. Pomozova, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; npomozova@mail.ru